

DOI:

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ ГОРЯНОК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920–1930-Е ГГ.

Дзагурова Наталья Хаджумаровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0009-0006-3024-4622>; dzagurova-natalia@mail.ru

Гапеева Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра российской истории, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0001-9440-752X>; gapeeva.marina.81@mail.ru

В данной статье рассматривается процесс изменения традиционной женской одежды жительниц Северного Кавказа в рамках концепта «новая горянка». Представлен анализ мероприятий советской власти по внедрению в жизнь горянки новой одежды как маркера «визуальной культуры», зафиксировавшего положение горянки в советском пространстве. Методологической основой исследования является метод системного анализа, позволивший рассмотреть трансформацию одежды горянок через реализацию идеологической доктрины по формированию новой советской идентичности, в контексте которой разрабатывались региональные стратегии для успешного внедрения концепта «советская женщина». Показано, что трудности при изменении одежды горянок были связаны с универсализацией традиционного быта народов Северного Кавказа, поскольку большинство местных обычаев квалифицировалось властью как пережитки. В процессе исследования было проанализировано постепенное внедрение в горский быт женской верхней теплой одежды, сыгравшей важную роль в вовлечении горянок в общественное производство. Сделан вывод о том, что функциональность и универсальность массовой одежды в исследуемый период должны были нивелировать разницу как между повседневной и праздничной одеждой, так и между традиционным национальным и европейским костюмом, поскольку именно эти качества (удобство и практичность) выдвигались в качестве основных требований к массовой одежде 1920-х гг. Внедрение пальто и других видов новой женской одежды встречало трудности, а в методах ломки старого быта имели место откровенные «перегибы», замедлявшие процесс трансформации женской одежды. Лишь в середине 1930-х гг. последовательно вовлеченные в коллективизацию и индустриализацию горянки осваивают предложенные массовым советским производством модели женской одежды, поскольку удобство и универсальность становятся ос-

новым требованием женщины, включенной в новое социальное и общественное пространство.

Ключевые слова: горянка, советская женщина, традиционная женская одежда, Северный Кавказ.

Для цитирования: Дзагурова Н.Х., Гапеева М.С. Трансформация традиционной одежды горянок Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. // KAVKAZ-FORUM. 2026. Вып. 26 (33). С. 119–128. DOI:

Введение

Развитие СССР в 1920–1930-е гг. шло через реализацию идеологической доктрины по формированию новой советской идентичности и включало в себя отдельные концепты, которые разрабатывались как региональные стратегии для успешного вовлечения жителей регионов в новое социальное пространство. В специфических условиях Северного Кавказа для вовлечения населения в новое социальное пространство использовались различные формы активности, в том числе была проведена масштабная пропагандистская работа по созданию образа «новой горянки», ставшего региональной составляющей концепта «советская женщина» [1, 61].

Все сферы жизни женщин Северного Кавказа были переформатированы в соответствии с большевистской идеологией, активно пропагандировались новые гендерные стереотипы и гендерные роли. Основой стала борьба за формирование новой личности и развитие традиций и обычаев, ведущих к становлению такого национального быта, которое не отличает народы, а постепенно становится моментом общего, интернационального. В этом плане интерес представляет борьба за новый быт, в которой, по мнению исследователя традиционной одежды народов Северного Кавказа Е.Н. Студенецкой, особого внимания заслуживает одежда, формирующаяся «в многосторонней зависимости от географических условий, форм хозяйствования, специфики быта, ступени социально-экономического развития, исторических и культурных связей, что делает ее одновременно постоянной и изменяемой» [2, 58].

Основная трудность в процессе универсализации быта народов Северного Кавказа состояла в крепости и глубине национальных обычаев, основную массу которых новая власть рассматривала как пережитки. «Живучесть пережитков прошлого во многом связана с природой самого быта, отличающейся малой подвижностью и консерватизмом. Отсталые стороны старого быта, устаревшие традиции и обычаи, гнездясь в сфере общественной психологии и в обыденном сознании, продолжают жить даже тогда, когда условия, породившие их, уже коренным образом изменились», – писал В.И. Ленин [3, 502]. В этом смысле одежда как важнейший элемент материальной культуры была подвержена коренной переделке.

Она всегда формировалась в многосторонней зависимости от географических условий, форм хозяйствования, специфики быта народа и степени его социально-экономического развития. Женская одежда народов Северного Кавказа отражала тесные исторические и культурные связи между жителями региона и имела свои характерные особенности, которые и подверглись изменениям, поскольку она становилась маркером «визуальной культуры», фиксировала положение горянки в пространстве и времени и соотносила ее с новым жизненным и производственным ритмом. В связи с этим в основной части статьи будет проанализирован конкретный опыт внедрения новых форм одежды на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг. и постепенная адаптация горянок к советским стандартам.

Основная часть

Массовая одежда 1920-х гг. была призвана обеспечить удобство при работе, функциональность и практичность, нивелируя разницу между повседневным и праздничным костюмом. Между тем характерные особенности женской одежды горянок, а именно: скрывание замужними женщинами волос, обязательное для всех женщин платье без каких-либо намеков на декольте, наличие исключительно длинных рукавов, отсутствие теплой верхней одежды, – в советском политическом лексиконе стали определяться как «вековые религиозно-бытовые предрассудки». Консерватизм традиционной женской одежды объяснялся прежней изоляцией женщины от общественной жизни. Строгие законы семейного быта, обычай избегания, религиозные запреты существенно ограничивали общение женщин с внешним миром. Женщины и даже девушки практически не выходили за пределы своего дома, что объясняло традиционное отсутствие у них теплой одежды. Несмотря на произошедшие социальные потрясения первой четверти XX в. основная масса женского населения Северного Кавказа продолжала существовать в прежней социальной парадигме. Горянки не являлись на выборы различных советских органов, не могли воспользоваться предоставленным им Конституцией избирательным правом, а девушки из-за отсутствия зимней одежды не могли посещать школу. Остро стоявший вопрос вовлечения женского населения в общественное производство стал основным для реализации концепта «советская женщина». Женщины Северного Кавказа не участвовали в общественном производстве, остро нуждавшемся в рабочих руках. Поэтому в первые годы Советской власти важнейшим мероприятием для включения горянок в новое советское пространство стало внедрение в горский быт женской верхней теплой одежды как важной составляющей социальных преобразований. Функциональность и универсальность массовой одежды в исследуемый период должны были нивелировать также разницу между традиционным национальным и европейским костюмом.

Сразу после освобождения Северного Кавказа от белогвардейцев по

указанию В.И. Ленина в распоряжение Северо-Кавказского ревкома было направлено 2 млн. аршин мануфактуры [4, 112]. К середине 20-х гг. фабричные ткани, сафьян, хром, подошвенная кожа начинают входить в быт кавказских народов.

Городская одежда горцев в первые годы Советской власти мало чем отличалась от сельской одежды, сохраняя в значительной мере традиционные черты. Только с середины 1920-х гг. главным образом среди учащейся молодежи наряду с традиционной одеждой народов Северного Кавказа начинают распространяться элементы городской европейской одежды. Мужчины надевали, хоть и пока изредка, косоворотки, брюки на выпуск, ботинки или туфли, фуражку или кепку. В очень ограниченных размерах городская европейская одежда проникала также в среду девушек и женщин, работавших или учившихся в городе [5, 78]. Однако именно в городе начинается борьба за внедрение новых видов женской одежды среди горянок. «Борьбу за эмансипацию женщины в области одежды облегчало то, что мода 1920-х годов – короткие узкие платья, короткие рукава, большие вырезы – была также чужда горянкам, как и характерное для тех лет ношение женщинами-активистками элементов мужской одежды – кепок, косовороток, кожаных курток», – пишет Е.Н. Студенецкая [6, 171]. Новые модные стрижки (каре, боб), грубая по стилю «мужественная» одежда с заниженной талией, или намеренно мешковатая – все это, шло в разрез с представлениями местного населения о внешнем облике женщины-горянки.

Самой важной проблемой начала женской эмансипации в регионе становилось отсутствие верхней одежды в национальном женском костюме народов Северного Кавказа, что тормозило активное вовлечение женщин-горянок в советское общественное производство и стало первоочередной задачей для местных партийных органов. Северо-Кавказская краевая комиссия по улучшению быта и труда горянок в своем постановлении отметила: «Как результат векового бесправия горской женщины существует обычай, что горянки-девочки и взрослые женщины не носят теплой одежды. Этот обычай при наличии суровых зимних месяцев лишает девочек возможности посещать школы, а взрослых женщин принимать участие в общественной работе и тем самым является тормозом приобщения горянок к общественно-культурной жизни. Обычай этот влечет также массовые заболевания и калечение женской бедняцкой массы, в силу экономического положения вынужденной выполнять работу вне дома (ношение воды, уход за скотом и т.п.) без теплой одежды» [7, 3]. В соответствии с этим с 1928 г. во всех национальных областях Северного Кавказа реализуется специальная общественно-политическая кампания под лозунгом «Пальто – горянке!». При этом основная мужская масса нацменов оказывает упорное сопротивление внедрению этой кампании в

жизнь, проводя агитацию против ношения женщинами теплой одежды. Приходилось вести большую разъяснительную работу среди населения, вопрос часто обсуждался на заседаниях областных бытовых комиссий: «Если нужна швейная машина, кувшин и другие необходимые вещи, они находят средства, а на пальто женщин не находят зачастую не потому, что действительно их невозможно достать, а потому, что в этом не видят необходимости» [7, 3]. Делегатка женотдела из Кабардино-Балкарии Г.Х. Фанзиева, вспоминая об атмосфере, в которой проходила кампания «Пальто – горянке!», приводила высказывания мужчин по этому поводу: «Нечего жене ходить на собрания, я сам пойду, не надо ей пальто!» [7, 3].

В Дагестане кампания «Пальто – горянке» шла под лозунгом «Долой чохто», в нее активно и организованно вовлекались школьницы открываемых советских школ. В первый год реализации кампании она была сорвана в Северной Осетии, поскольку женщины, отважившиеся надеть пальто, могли услышать вслед презрительное «палтоджын» – «женщина в пальто», – что было сродни ругательству [8, 66]. Внедрение пальто и других видов новой одежды встречало трудности и потому, что они имели иногда радикальные отличия от знакомой горянкам одежды. Так, например, отказывались покупать пальто потому, что оно было коротким, только до колен, на этом же основании отказывались приобретать платья и юбки. Нововведения в одежде часто вызывали отторжение, горянки требовали, чтобы их слишком короткие рукава «надставляли», ворот они застегивали булавками – он был слишком открытым. Впрочем, цвет одежды вполне соответствовал местным привычкам – казенная одежда была темной. При этом некоторые активистки из числа горянок, стремясь показать свое раскрепощение, наоборот утрировали моду 20-х гг. и носили чрезмерно короткие и узкие платья с короткими рукавами и большим вырезом. Также отрицательно относилось население и к появлению женщин-активисток в мужских кепках, косоворотках, кожаных куртках. Все это было, конечно, чуждо большинству населения национальных областей Северного Кавказа и вызывало негативную реакцию.

Методы ломки старого быта часто принимали довольно резкий характер, что даже сами советские чиновники и деятели предостерегали от необдуманных решений и действий. Имели место откровенные «перегибы», например, в Кабардино-Балкарии была запущена пропаганда против традиционных серебряных нагрудников и поясов, которые стали интерпретировать как «реакционные пережитки прошлого», более того, «за изготовление украшений для праздничного женского костюма предлагалось выселить дагестанских мастеров ювелиров за пределы республики» [7, 7]. Во Владикавказе в газету была помещена статья Будиева под названием «Не принимайте скоропалительных решений» – о комсомольской этике, заключающейся, по мнению секретаря одной из владикавказских комсо-

мольских ячеек, в соблюдении следующего порядка: «не курить, в корне изъять национальные танцы, а девушкам-горянкам не употреблять пудру» [9, 39].

К внешнему виду девушек-комсомолок были особо жесткие требования. Пользование пудрой или другими косметическими средствами означало, по мнению активистов, возврат к царскому прошлому. «В ячейке несколько девушек. По внешнему виду они скорее похожи на нэпманок, чем на комсомолок. Все они, кроме одной, пудрятся прямо на ять», – так описывает комсомолок очередной газетный автор и предлагает «с этим засильем пудры вести борьбу, потому как она воскрешает старый буржуазный быт» [10, 18].

Если девушка-комсомолка пудрилась, то ее исключали из комсомола. Г.Н. Таболов рассказывал о комсомолке Агнаевой, которой ко дню рождения купили серьги и браслет, она надела их в день рождения, за что сразу же была исключена из комсомола. «Занимается она очень хорошо, но ведь она учится на учительницу, а кого она может воспитать, и кому она нужна такая, если носит эти побрякушки?» На собрании Агнаева «с радостью была готова отдать серьги и браслет государству, только чтобы ее не исключили из комсомола» [10, 18].

В научном архиве СОИГСИ им. В.И. Абаева сохранились воспоминания комсомольцев, в которых они описывают, как одевались и как проводили свободное время: «Девушки не носили серьги, губы не красили, танцевать не разрешалось, все это считалось пережитком. В биллиардной мы бархат использовали для клуба. Галстуки тоже не разрешалось носить, а потом, когда сказали, что В.И. Ленин в галстук, мнение изменили» [11, 108–109].

Большую роль в изменении традиционной женской одежды и распространении ее новых форм сыграли клубы горянок, кружки и школы кройки и шитья, создавались учебные заведения, где горянок учили советским бытовым навыкам, в том числе и «правильно, по-городскому, одеваться». Появившиеся в 1927 г. такие учебные заведения получили широкое распространение, например, Ленинский учебный городок-интернат в Нальчике, в котором девушек учили шить новую по форме одежду, что, по мнению партийного руководства, способствовало формированию нового типа освобожденной горской женщины.

Дольше других внедрение новой женской одежды среди народов Северного Кавказа проходило у чеченок. Сближение с новыми городскими формами женской одежды шло в основном через внедрение в костюм лишь отдельных деталей. Основой одежды чеченок и большей части ингушек было ношение платья-рубахи, которое из-за нехватки мануфактуры изготовлялось из домотканого сукна. Лишь постепенно, во второй половине 1920-х гг., женщины начинают покупать изготовленные советской промышленностью головные платки, готовое детское пальто и обувь.

Кампания «Пальто – горянке!», проводившаяся в конце 1920-х гг., в Чечне шла с большим трудом, что в значительной степени объяснялось сильным влиянием духовенства, – «продалась русским за пальто, стала не мусульманкой» [2, 73]. Старики не пускали домой женщин, осмелившихся надеть пальто. Беднейшей части населения пальто раздавали бесплатно, остальным – в кредит. Часто получившие пальто женщины их не носили, а продавали русским, либо пальто, выданное жене, носили ее мужа и сыновья, поскольку фасоны были универсальны; женщины же в холодное время года продолжали носить овчинную шубу, причем более молодые обходились лишь шалью [2, 73].

Нужна была продолжительная и систематическая культурно-просветительская и воспитательная работа по внедрению новых форм женской одежды среди горянок. Введение в быт горянки универсальной одежды, приспособленной для ношения в условиях трудовой деятельности, поднимало проблему внедрения переходных форм от традиционной одежды к современной. Учитывая все это, Северо-Кавказский крайсоюз потребкооперации создал специальную комиссию, которой было поручено «выработать тип одежды, удовлетворяющей запросам и вкусам горской женщины» [6, 167]. Платки и шали стали заменять косынками – красные и белые косынки дарилась горянкам на различных женских съездах и партконференциях, однако, приходя домой, женщины снова надевали более привычный головной убор. В покрое платьев-рубашек вводились такие элементы, как кокетки, рукава с обшлагами и резинками, отложные воротники, но отношение к женской одежде у основной массы населения менялось очень медленно. Лишь в середине 1930-х гг. в ситуации с внедрением новой женской одежды на Северном Кавказе наметились изменения. Горянки, изначально с трудом адаптировавшиеся к новым советским реалиям, постепенно вовлекаются в процессы индустриализации и коллективизации и становятся активными участниками нового социального пространства. Удобство и универсальность становятся основным требованием к одежде у женщин Северного Кавказа.

В 1934 г. в массовое производство запускается одежда для националов, в том числе 5 моделей женских платьев и комплектов из юбки и кофты, исполненных в сатине, шевиоте и шерсти [1, 66]. Эти модели постепенно завоевывают популярность среди женского населения Северного Кавказа.

Заключение

Таким образом, в 1920-х– 1930-х гг. в соответствии с большевистской идеологией были переформатированы все сферы жизни женщины и активно пропагандировались новые гендерные стереотипы и гендерные роли. Одежда как важнейший элемент материальной культуры была подвержена коренной переработке, поскольку как маркер «визуальной

культуры» фиксировала положение горянки в советском пространстве и соотносила ее с новым жизненным и производственным ритмом. В 1920-х гг. власти для вовлечения горянок в новое советское пространство активно внедряли в горский быт женскую верхнюю теплую одежду, как важную составляющую для участия в общественном производстве, которое было основой концепта «советская женщина». Внедрение пальто и других видов новой одежды встречало трудности, а в методах ломки старого быта имели место откровенные «перегибы». Лишь в середине 1930-х гг. горянки, последовательно вовлеченные в коллективизацию и индустриализацию, осваивают предложенные массовым советским производством модели женской одежды, поскольку удобство и универсальность становятся основным требованием женщины, вовлеченной в новое социальное и общественное пространство.

-
1. *Дзагурова Н.Х.* Формирование образа «новой горянки» в женской периодической печати 1920-х– 1930-х гг. (на материалах Северной Осетии) // *Kavkaz-forum*. 2025. Вып. 22 (29). С. 61-69. DOI: 10.46698/VNC.2025.29.22.003
 2. *Студенецкая Е.Н.* Одежда чеченцев и ингушей в XIX – XX вв. // *Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии* / отв. ред. З.А. Мадаева. Грозный: Темплан, 1985. С. 58–91.
 3. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. 5 изд. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. 1893–1894. 730 с.
 4. *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. М.: Политиздат, 1956. Т. 1. 530 с.
 5. *Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев* / отв. ред. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1986. 94 с.
 6. *Студенецкая Е.Н.* Украшение одежды у кабардинцев (XIX–XX вв.) // *Ученые записки Кабардинского педагогического института*. 1950. Т. 5. С. 163–195.
 7. Центральный государственный архив КБР (ЦГА КБР). Ф. 2. Оп. 1. Д. 485.
 8. *Гагиева М.Л.* Женщины гор. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1966. 230 с.
 9. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 42.
 10. НА СОИГСИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 144.
 11. НА СОИГСИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 109.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025,
принята к публикации 19.03.2026,
опубликована 30.06.2026.

Dzagurova, Natalia Kh. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of History, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0009-0006-3024-4622>; dzagurova-natalia@mail.ru

Gapeeva, Marina S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-9440-752X>; gapeeva.marina.81@mail.ru

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL CLOTHING OF MOUNTAIN WOMEN OF THE NORTH CAUCASUS IN THE 1920–1930-S.

Keywords: *goryanka, Soviet woman, traditional women's clothing, North Caucasus.*

This article examines the process of changing the traditional women's clothing of the inhabitants of the North Caucasus within the framework of the concept of «new mountain woman». The article presents an analysis of the measures taken by the Soviet government to introduce new clothes into the life of a mountain woman, as a marker of «visual culture» that fixed the position of a mountain woman in the Soviet space. The methodological basis of this study is the method of system analysis, which allowed us to consider the transformation of Goryanok clothing through the implementation of the ideological doctrine of the formation of a new Soviet identity, in the context of which regional strategies were developed for the successful implementation of the concept of «Soviet woman». It is updated that the changes in the clothes of the Goryans were considered as difficulties in the process of universalizing the way of life of the peoples of the North Caucasus, based on customs, the bulk of which were considered by the authorities as remnants. In the course of the research, the gradual introduction of women's outerwear into the mountain lifestyle was analyzed, which played an important role in involving the Highlanders in public production. It is concluded that the functionality and versatility of mass-produced clothing in the period under study should have offset the difference between traditional national and European costume. The introduction of coats and other types of new women's clothing was difficult, and there were outright «kinks» in the methods of breaking the old way of life, slowing down the process of transformation of women's clothing. It was only in the mid-1930s that mountain women, who were consistently involved in collectivization and industrialization, mastered the models of women's clothing proposed by mass Soviet production, since convenience and versatility became the main requirement of a woman involved in a new social and public space.

For citation: *Dzagurova, N.Kh. Gapeeva, M.S. Transformation of Traditional Clothing of Mountain Women of the North Caucasus in the 1920–1930-s. KAVKAZ-FORUM. 2026, iss. 26 (33), pp. 119-128. (In Russian). DOI:*

REFERENCES

1. Dzagurova, N.Kh. *Formirovanie obraza «novoi goryanki» v zhenskoi periodicheskoj pechati 1920-kh-1930-kh gg. (na materialakh Severnoi Osetii)* [Formation of the Image of the «New Mountain Woman» in the Women's Periodical Press of the 1920s-1930s (Based on Materials from North Ossetia)]. *Kavkaz-forum* [Kavkaz-forum]. 2025, iss. 22 (29), pp. 61-69. DOI: 10.46698/VNC.2025.29.22.003
2. Studenetskaya, E.N. *Odezhda chechentsev i ingushei v XIX – XX vv.* [Clothing of Chechens and Ingush in the 19th-20th Centuries]. Madaeva, Z.A. (ed.). *Novoe i traditsionnoe v kul'ture i bytu narodov Checheno-Ingushetii* [New and Traditional in the Culture and Everyday Life of the Peoples of Checheno-Ingushetia]. Groznyi, Templan, 1985, pp. 58–91.
3. Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.* [Complete Works: in 55 volumes]. 5th ed. Moscow, Politizdat, 1967, vol. 1. 1893–1894. 730 p.
4. Ordzhonikidze, G.K. *Stat'i i rechi* [Articles and speeches]. Moscow, Politizdat, 1956, vol. 1. 530 p.
5. Gardanov, V.K. (ed.). *Novoe i traditsionnoe v kul'ture i byte kabardintsev i balkartsev* [New and traditional in the culture and life of Kabardians and Balkars]. Nalchik, Ehl'brus, 1986. 94 p.
6. Studenetskaya, E.N. *Ukrashenie odezhdy u kabardintsev (XIX-XX vv.)* [Decoration of clothing among the Kabardians (19th-20th centuries)]. *Uchenye zapiski Kabardinskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Kabardin Pedagogical Institute]. 1950, vol. 5, pp. 163–195.
7. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv KBR (TsGA KBR)* [Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic (CSA KBR)]. Fund 2. Inventory 1. Case 485.
8. Gagieva, M.L. *Zhenshchiny gor* [Woman of the Mountains]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 230 p.
9. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V.I. Abaeva (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund 8. Inventory 1. Case 42.
10. *NA SOIGSI* [SA NOIHSS]. Fund 8. Inventory 1. Case 144.
11. *NA SOIGSI* [SA NOIHSS]. Fund 8. Inventory 1. Case 109.

The article was submitted 11.12.2025,
accepted for publication on 19.03.2026,
published 30.06.2026.